

Николай Иванович Безлепкин

доктор философских наук, профессор
Военной академии связи имени С.М. Буденного,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: nick-bezlepkin@yandex.ru

Андрей Владимирович Володин

студент Балтийского федерального университета
имени Иммануила Канта,
Калининград, Россия;
e-mail: andreivladvol@gmail.com

Академик В.И. Ламанский как историк и философ

**(Рец. на кн.: Куприянов В.А., Малинов А.В. Академик В.И. Ламанский:
Материалы к биографии и научной деятельности.
СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 560 с.)**

УДК: 930

DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-193-206

Статья посвящена обзору монографии В.А. Куприянова и А.В. Малинова и «Академик В.И. Ламанский: Материалы к биографии и научной деятельности», открывающей новый этап в изучении наследия Владимира Ивановича Ламанского — видного отечественного историка, философа, ученого-слависта. Актуальность проведенного авторами исследования жизни и творчества В.И. Ламанского обусловлена, с одной стороны, необходимостью исторической реабилитации забытого имени видного русского ученого, историка и мыслителя, с другой — возрастающим значением разработанных Ламанским идей для более глубокого понимания цивилизационных процессов в современном мире.

В статье раскрывается методологическая составляющая научного творчества Ламанского, которое опиралось на идейное наследие славянофильства, критически переосмысленное в новых исторических условиях и переложенное с языка мистики на язык науки. Подробно анализируются три основополагающие идеи монографии, которые отстаивал Ламанский в своих трудах, пытаясь реализовать их в практической деятельности. Это идея цивилизационного подхода к изучению славянства, историософская идея о предназначении славян и идея о языке как о геополитической силе. В своем единстве они образуют теоретический и методологический фундамент научного творчества В.И. Ламанского. Прослеживается эволюция историософских взглядов Ламанского в направлении формирования сциентистски ориентированных философско-исторических подходов к истории и культуре славян, что позволило понять ограниченность панславистских воззрений, создать собственную цивилизационную концепцию истории. Особое внимание уделяется тезису Ламанского

о геополитической роли языка, который авторами монографии обоснованно увязывается с современным использованием языка в качестве «мягкой силы». С этих позиций культурная геополитика рассматривается как способ распространения влияния в современном мире посредством языка.

В качестве важной заслуги авторов обсуждаемой монографии рассматривается использование обширного фактологического, в том числе архивного материала, основательный историко-библиографический перечень работ, включающий как историографию трудов самого ученого, так и исследования, посвященные его теоретическому наследию, начиная со второй половины XIX в. и по настоящее время.

Ключевые слова: панславизм, цивилизационный подход, историософия, славянофильство, язык, культурная геополитика.

Книга «Академик В.И. Ламанский: Материалы к биографии и научной деятельности» увидела свет в 2020 г. и стала важным рубежом в изучении творчества крупнейшего отечественного ученого-слависта, историка и мыслителя Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914). Надо признаться, что это давно ожидаемое комплексное исследование биографии и творчества русского ученого и философа, внесшего значительный вклад в изучение истории славянских языков, отметившегося оригинальными историософскими взглядами. На протяжении почти столетия Ламанский был незаслуженно вычеркнут из пантеона отечественной научной мысли и предан забвению. Разгром в 1930-е гг. «школы Ламанского» и обвинения в панславизме надолго закрыли дорогу к изучению его творческого наследия. Лишь в последние годы появились работы, претендующие на целостное освещение его жизни и идей.

В книге содержится богатый материал по истории российской науки и образования, истории Академии наук. Состоящая из двух частей монография предлагает двухуровневое вхождение в контекст исторического/историко-философского постижения творчества Ламанского — «позднего славянофила», «предшественника евразийства» [*Задорожнюк*, 2016, с. 26], скромного ученого и сердечно внимательного к судьбам народов человека, чей научный поиск выразился в демократическом запросе на освобождение и восстановление прав славян — угнетенных, потерянных, позабывших былое братство. Если первая часть «материалов» представляет собственно исследовательские работы, как изданные ранее [*Малинов, Пешперова*, 2018; *Малинов*, 2018; *Kupriyanov, Malinov*, 2019; *Куприянов, Малинов*, 2019; *Малинов, Морозов, Тоноян*, 2019; *Малинов 2020a*; *Малинов*, 2020b; *Малинов 2020d*], так и публикуемые впервые, то во второй части помещены новые или редкие источники — письма Ламанского К.С. Аксакову, О.Ф. Миллеру и др., статьи и рецензии («записки об ученых трудах В.И. Ламанского», представленные в двух авторских версиях — И.И. Срезневского и А.А. Шахматова), положения магистерской диссертации, небольшая, но ключевая, практически программная статья Ламанского «Россия — мир славянский», предисловие к «Государственным тайнам Венеции» и др. В первой части монографии раскрывается жизненный и творческий путь Ламанского начиная со студенческой скамьи, особенности его внутреннего интеллектуального развития, обстановка в российских университетах николаевской эпохи. Таким образом, «материалы к биографии и научной деятельности» сочетают в себе как труды самого Ламанского, так и исследования о нем. Все это позволяет воссоздать живую личность русского ученого, показать эволюцию его мировоззрения,

проследить особенности становления в науке, раскрыть круг общения, представить с достаточной полнотой социально-политическую и научную среду, в которой жил и творил Ламанский, показать, как в его творчестве соединялись интересы слависта, русского историка и философа.

Фигура Ламанского привлекает внимание многих исследователей — славистов, филологов, историков, философов, политологов и др. Прежде всего, Ламанский интересен широким — цивилизационным — подходом к истории и славяноведению, который нашел отражение в учении о «трех мирах». Нетривиальность рассуждений ученого, провокативность исходных тезисов и неоднозначность выводов способны привлечь внимание к его работам. Монография «Академик В.И. Ламанский: Материалы к биографии и научной деятельности» — книга по преимуществу историческая, хотя и написанная философами, А.В. Малиновым и В.А. Куприяновым, что, безусловно, накладывает свой отпечаток. Историк всегда присутствует где-то на стыке — эпох, времен и даже дисциплин. Ему не удастся заниматься только лишь историографией; его мышление стремится к конкретно-историческим архетипам, идиомам: в нем всегда есть предмет, на котором сконцентрировано исследование, и периферия, как место встречи историка с себе подобным. Областью научных интересов А.В. Малинова является русская историография в ее философско-исторических и методолого-исторических аспектах (П.Г. Виноградов, К.Н. Бестужев-Рюмин, А.С. Лаппо-Данилевский, В.И. Герье и др.), в которой жизненный путь историка неотделим от его мышления, а его конкретно-исторические работы — от теоретических установок. В круг научных интересов В.А. Куприянова входит немецкая классическая философия, история русской политической мысли и философия науки.

Монография богата сюжетами, раскрывающими, помимо основных вех в творчестве Ламанского, особенности эволюции славянофильства, трудности развития русской науки во второй половине XIX в., столкновение различных течений в отечественной общественной мысли. Примечательно в этом отношении «Предисловие», где авторами дана развернутая картина исторической эволюции славянофильства от раннего, с его упованием на православную веру, к позднему, в основе которого лежит уже мировоззренческая концепция, выстроенная на конкретно-научном знании (с. 23). Известный интерес вызывает исследование авторами взаимоотношений В.И. Ламанского и Н.Г. Чернышевского, которые до сего времени не удавались отдельного изучения. Между тем, полемика Ламанского с Чернышевским показательна как пример того, как бывшие ученики И.И. Срезневского становятся противниками в понимании национальной политики австрийских властей, в восприятии идеологии украинофильства. Авторы отмечают последовательность позиции Ламанского, который в призыве Чернышевского к обособлению малорусского наречия видел «угрозу как политическому, так и народному единству русского племени» (с. 83).

Наибольший интерес в рецензируемой монографии привлекают три основополагающие идеи, которые отстаивал Ламанский в своих трудах, пытаясь реализовать

В. А. Куприянов
А. В. Малинов

АКАДЕМИК
В. И. ЛАМАНСКИЙ

Материалы
к биографии
и научной
деятельности

их в практической деятельности. Это идея цивилизационного подхода к изучению славянства, историософская идея о предназначении славян и идея о языке как о геополитической силе. В своем единстве они образуют тот теоретический и методологический фундамент, на котором ученый выстраивал свое научное творчество. Авторам монографии, несмотря на избранный ими формат издания — материалы к биографии и научной деятельности, удалось красной нитью провести эти идеи через всю книгу. Глубина проработки Ламанским выдвинутых идей и их непреходящее значение для современности требуют более пристального рассмотрения.

Учеба Ламанского на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета и защита магистерской диссертации, по выражению его учителя — И.И. Срезневского, — стали началом присоединения к решению вопросов «народознания», которое произошло не без влияния московских славянофилов, сочинениями которых он увлекался. Славянофильское влияние на Ламанского авторы вполне обоснованно связывают с тем принципиальным приоритетом истории народа над историей государства, которому ученый следовал в своей научной деятельности. По оценке И.С. Аксакова, Ламанскому было «суждено ввести Славянский вопрос в область ученых вопросов первой важности, придать ему общественное значение, сделать его вопросом жизненным» (с. 373).

В монографии отмечается, что в 1870—1880-е гг. Ламанский отказался от европоцентристской точки зрения во взглядах на историю славянской цивилизации и перешел к формированию собственного «синтетического взгляда на славянство» (с. 71). И хотя философско-методологическую основу его учения составляло славянофильство, ученый не разделял мистического отношения ранних славянофилов к славянству, противопоставив ему обобщающий, философский взгляд на историю и культуру славян, воплотившийся в цивилизационном подходе к их изучению. Авторы монографии подчеркивают, что «не славянская история в домашних изводах интересовала Ламанского, а цивилизационная концепция трех миров...», границы греко-славянского и романо-германского цивилизационных миров, где русскому народу отводилось системообразующее положение в греко-славянском мире (с. 191). «Для Ламанского, — утверждают авторы, — главный вопрос философии истории — это вопрос о русской нации, т. е. народе, обладающем сильной государственностью и развитым научным и литературным языком, позволяющим ему выступать основой греко-славянской цивилизации» (с. 211).

В качестве посылок к выводу о необходимости цивилизационного изучения славянства у Ламанского выступают: одноязычность славян, природное тяготение родственных племен друг к другу, а также вековое противостояние германской и славянской Европы. Эти теоретические послышки нашли обоснование в докторской диссертации Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе». Авторами исследования прослеживается, как его концепция культурно-исторического деления Европы на Восток и Запад эволюционировала в учение о трех мирах Евразии. В монографии всесторонне обосновывается вывод о том, что «Ламанского, безусловно, можно считать создателем славянофильской геополитической теории, предвосхищающей учение евразийцев» (с. 214).

Отдельное освещение в монографии получила историософская идея Ламанского о ведущей роли славянской цивилизации, из которой логично вырастает его теория панславизма. Этому в монографии посвящена глава «Панславизм и славянская взаимность». Авторы подвергают всестороннему и детальному рассмотрению тео-

рию панславизма Ламанского, выявляя ее специфическое отличие от панславистских концепций, имевших хождение в Европе во второй половине XIX в. Дискутируя с точками зрения в современной исследовательской литературе по поводу отнесения паславизма Ламанского к литературному типу, авторы вполне обоснованно отмечают, что, несмотря на присутствие в творчестве русского ученого признаков, позволяющих отнести его к литературному панславизму, применительно к Ламанскому «такое определение оказывается не просто односторонним, а по сути ошибочным», поскольку оно «не отражает специфики понимания им вопроса о славянском единстве» (с. 221). Эта позиция авторов основывается на том очевидном факте, что Ламанский не рассматривал литературное единство славян как конечную цель их объединения, а видел в нем предпосылку будущего политического единства (Там же). Славистика выступала для ученого средством верификации славянофильских идей, «позволяла сделать из славянофильства более практичное применение, а именно переложить его на язык политической теории и практики, превратить славянофильство в реальную политическую силу» (с. 190).

То обстоятельство, что политический проект Ламанского о превращении панславизма в реальную политическую силу оказался невостребованным, как, впрочем, и не сложилась его политическая деятельность, может быть отчасти объяснено и недостаточным учетом им политических реалий в Европе, и многовекторностью и противоречивостью распространяемых в Европе и России панславистских идей как культурного, так и политического типа. Некоторые из панславистских концепций, как, например, теория славянской взаимности Я. Коллара, своей целью ставила создание литературно-духовного союза славянских народов, а панславистское учение Н.Я. Данилевского определяло возможность формирования славянства в качестве культурно-исторического типа только посредством вооруженной борьбы. Панславистские проекты Австро-Венгерской монархии были направлены на разобщение славянских народностей, на использование хорватов, словенцев, чехов против революционного движения в империи, противопоставление славян-католиков православным славянам. Панславистский проект М.А. Бакунина, нашедший отражение в его брошюре «Призыв к славянам», содержал призыв к единению славянства «во всеобщий братский союз народов» и освобождению от иноземного ига. «Демократический панславизм» Бакунина не без оснований подвергся резкой критике со стороны Ф. Энгельса, который после поражения революций в Европе 1848 г., подавленных с помощью славянских народов, охарактеризовал его как «фантастические абстракции», «пустую мечту», где «о действительности <...> вообще нет речи» [Энгельс, 1957, с. 291].

В своей критике «демократического панславизма» Ф. Энгельс опирался на реальную историю, которая полна примерами исчезновения некоторых славянских племен, не выдержавших испытания историей, а несамостоятельность многих из славянских наций являлась следствием их малочисленности и распыленности. Впоследствии, начиная с середины XIX в. и по настоящее время, историческая практика подтвердила и подтверждает, что ни одно из славянских образований, за исключением России, не являлось и не является самостоятельным и находилось, как отмечал Энгельс, в историческом, литературном, политическом, торговом и промышленном отношениях в зависимости от крупных, жизнестойчивых государств. Ни одно из них не было субъектом мировой политики. Все они без исключения являлись собой объектами политики. С середины XIX до середины XX в. они метались

между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией и Австрией — с другой. Как справедливо отмечают авторы исследования, «Первая мировая война положила конец иллюзиям о славянской взаимности и братстве, а формирование отдельных славянских государств подтвердили его (Ламанского. — *Прим. авт.*) опасения в их культурной и политической несамостоятельности» (с. 371).

Думается, что «политическая романтика и сентиментальность», присущая, по определению Энгельса, представителям демократического панславизма, в известной мере была осознана и Ламанским. Авторы обоснованно отмечают, что с конца 60-х гг. XIX в. он «фактически преодолевает панславизм», расширив подход к изучению славянского мира до масштабов греко-славянской цивилизации, существующей наряду с германо-романским и азиатским мирами. Отход от панславизма позволяет ученому «создать масштабную геополитическую теорию, предлагающую новую трактовку не только истории и культуры России и Европы, но и в целом всей мировой истории, включая Азию и Америку» (с. 229). Выход за рамки панславизма позволил Ламанскому создать одну из первых цивилизационных концепций истории.

Создание русским ученым и мыслителем цивилизационной концепции истории стало возможным не только посредством уяснения ограниченности панславистских воззрений, но прежде всего на основе усвоения историософии славянофильства и выработки собственного философско-исторического взгляда на мировую историю. Авторы справедливо указывают в своем исследовании, что философские увлечения Ламанского, его последовательное славянофильство способствовали выработке предельно широкого взгляда на проблемы славянской истории и литературы. «Для славистики наступает время философских обобщений», — был убежден как сам ученый, так и его ученики, которые ценили у Ламанского прежде всего его философский взгляд на славянство (с. 140).

В монографии прослеживается эволюция историософских взглядов Ламанского в направлении формирования сциентистски ориентированных философско-исторических подходов к истории и культуре славян. Если в 1865 г. он прямо провозглашал себя последователем ранних славянофилов и фактически воспроизводил онтологическое учение о «цельной личности» и «верующем разуме», то в сочинении «Три мира Азийско-Европейского материка», вышедшем в 1892 г., Ламанский, по наблюдению авторов, в интерпретации истории следует «природно-климатическому фактору и относит свое исследование к области политической географии, а не философии истории в строгом смысле» (с. 357). Авторы монографии отмечают, что метаисторические взгляды ученого претерпели существенные изменения в отличие от историософии раннего славянофильства, с характерным для него мистическим отношением к славянству, эсхатологическим и провиденциалистским восприятием собственной истории, телеологизмом и абстрактным прогрессизмом, ориентированными на построение царства Божия на Земле. Изменение представлений об историческом субъекте, которым становится народ, повышенный интерес к истории культуры, появление новых концепций языка — все это существенно влияло на трансформацию историософских взглядов ученого. Историософия все более представляла как такой вид философской рефлексии над историей и культурой, для которого характерно заострение внимания на проблемах своеобразия национально-исторической судьбы страны, народа. Обогащение историософии новым эмпирическим материалом из области истории славян и их культуры одновременно ста-

ло и началом появления у Ламанского зачатков собственной философии истории. Теоретическое осмысление истории в целом становилось тем более глубоким и содержательным, чем больше оно опиралось на развитие конкретно-научного знания. По мнению авторов монографии, философско-исторические взгляды Ламанского «следует отнести к области историологии (теории исторического процесса)» (с. 419), что дает полное основание считать неоспоримым вклад русского ученого и мыслителя в становление философии истории в России.

В главе «Политическое славяноведение» авторы поясняют, что «славистика, ставшая делом жизни Ламанского, не была главной целью его жизни; не она определяла ценностные и смысловые установки его деятельности <...> Славистика представляла иллюстративный материал для славянофильских теорий, например, подтверждая или, напротив, опровергая панславистские мечтания. Она служила приложением славянофильских концепций, позволяла верифицировать славянофильские идеи, наполнить их конкретным содержанием» (с. 190). Такая характеристика в чем-то напоминает античного мыслителя Гераклита, чьи философские-научные изыскания, помимо самостоятельной ценности, были призваны иллюстрировать его политическую позицию. Кабинетная работа не была самоцелью для Ламанского, в тиши кабинета и на университетской кафедре таился практический деятель, который искал выход своим политическим идеям. Последняя из исследовательских глав книги — «В кругу современников» — артикулирует Ламанского в контексте его отношений с А.С. Хомяковым, И.С. Аксаковым, Ю.Ф. Самариным, Н.И. Кареевым и А.С. Лаппо-Данилевским. Она полнее всего показывает Ламанского как «продолжателя дела славянофилов» (с. 360) и раскрывает особенности петербургского славянофильства. В то же время авторы справедливо указывают на невозможность формализовать взгляды Ламанского только лишь в контексте романтического постулата славянофильской мысли: «Ламанский отходит от славянофильского принципа: один народ — одно государство» (с. 300).

Важнейший аспект концепции Ламанского — это его учение о языке как о геополитической силе, к которому авторы возвращаются на многих страницах книги, и прежде всего в главе «Язык, нация, культура». Можно сказать, что в политической археологии Ламанского язык понимается в качестве глубочайшего основания народной идентичности. Симптоматично, что начало XXI в., как и период активной научной деятельности Ламанского, ознаменовано повышенным интересом к цивилизационным проблемам общественного развития и, в частности, к проблеме языка. Авторы в «Предисловии» выделяют одно из краеугольных положений русского ученого-слависта, сформулированное им в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка», о том, что языкам принадлежит важная геополитическая роль в культурно-историческом развитии, «конкуренция и борьба между которыми будет определять цивилизационное развитие целых регионов» (с. 6).

Современными отечественными исследователями давно отмечается, что со времен Московской Руси общественными деятелями и учеными последовательно проводилась линия на утверждение культурно-религиозной правомочности славянского языка выступать в качестве универсального общего языка. Симеона Полоцкого, Аввакума, Ю. Крижанича, А.С. Хомякова, К.С. Аксакова, В.И. Ламанского объединяла одна идея, заключающаяся в том, что русская (или, шире, славянская) культура должна иметь (и уже имеет) свой национальный язык, не уступающий ни в чем языкам древнейших культур (греческому, латинскому, древнееврейскому)

[Бычков, 1999]. Ламанский приписывал языку первостепенную роль среди национально-специфических компонентов культуры и государственности. Без языкового единства, считал он, ставится под сомнение и политическая целостность государства. Он доказывал, что политическая независимость и развитый литературный язык являются условиями формирования самобытной культуры и цивилизации (с. 167).

В силу своей неразрывной связи с культурой, с духом народа язык не может не быть в эпицентре политических и культурных событий страны, выступать геополитической силой. Авторы выделяют провидческую мысль ученого о том, что «политическая борьба цивилизаций постепенно заменяется конкуренцией языков, которые и становятся главной геополитической силой в современном мире» (с. 168).

В качестве «общего литературного языка для всех славян» Ламанский предлагал русский язык. Говоря, в частности, о языковой судьбе южных славян, он писал: «Если Бог благословит их образовать федерацию, то общим органом высшей образованности может быть у них только русский язык» [Ламанский, 1864, с. 38]. Русский язык, считал Ламанский, является единственным средством освободить южных славян от итальянского, немецкого и венгерского духовного влияния; в то же время роль южнославянских языков (в его терминологии — «наречий») он сводил к «местным потребностям». Мысль об искусственном создании общего языка из элементов всех славянских языков, как в свое время предлагал Ю. Крижанич, ученый отвергал.

Анализируя подход Ламанского к выбору русского языка в качестве общего литературного, научного и дипломатического языка, авторы обращают внимание на два способа его распространения, которые, по мнению русского ученого, считались приемлемыми: «...посредством развития путей сообщения, экономики, “живой связи” общения и путей устройства школ» (с. 398). При этом авторами обращается внимание на то, что Ламанский выступал против насаждения русских школ среди нерусского населения, полагая, что «любви и уважению (к русскому языку и культуре) еще скорее научит народная школа с языком родным» (с. 399). К сожалению, призыв русского ученого не нашел отклика в культурной политике большевиков, проводивших насильственную русификацию преподавания на национальных окраинах.

Авторы в своем исследовании обращают внимание на крайне интересное учение Ламанского об игемонии языка, суть которого состоит в том, что по мере развития человечества наблюдается усиление языкового разнообразия и постоянное образование новых языков. Это приводит к изоляционизму народов, затруднению общения между ними. Решением этой проблемы, по убеждению Ламанского, является первенство, или игемония, одного из наречий (с. 223). Роль гегемона в славянском мире, считал ученый, должен выполнить русский язык. В монографии достаточно подробно освещена точка зрения Ламанского на главную объединяющую силу русского языка в славянском мире.

Актуальность тезиса Ламанского о геополитической роли языка всецело подтверждается современными реалиями общественно-исторического развития. Языку и сегодня принадлежит первостепенная роль среди национально-специфических компонентов культуры и государственности. В силу своей неразрывной связи с культурой, с духом народа язык не может не быть в эпицентре политических и культурных событий страны, выступать как цементирующей основой государства, так и средством его дезинтеграции. По наблюдению авторитетных лингвистов,

«...развал страны начинается с языковых революций» [Халева, 2001], когда суверенитет национальной республики увязывают с изменением графической основы письменности, а в качестве государственного языка принимается только язык титульной нации, в результате чего значительная часть населения государства лишена права использовать родной язык в качестве средства обучения и коммуникации, ведения делопроизводства и т. п. Отрыв языка от истинных духовных корней и уклада жизни народа, использование его в политико-идеологических целях с неизбежностью порождает дезинтеграционные процессы во взаимоотношениях между народами, населяющими такое государство, и ставит под угрозу его целостность.

«Парад суверенитетов» на рубеже веков, вовлекший в свою орбиту республики бывшего СССР, в очередной раз актуализирует вопрос о роли языка. При этом доминирующие в этих дискуссиях аргументы нередко имеют политический и геополитический характер. Практически во всех случаях — идет ли речь о государственном языке или о смене системы письма — характер дискуссии диктуется причинами политического характера, связанными либо со сменой идеологии, либо религии, либо с переменами ориентиров во внешней политике и т. п. Серия алфавитных реформ в постсоветских государствах — Азербайджане, Казахстане, Молдавии, Туркмении и Узбекистане — в этом отношении вряд ли была исключением: переход на латиницу подчеркивал разрыв с советским прошлым и указывал на новые идеологические ориентиры, делая различия с культурой бывшей метрополии более очевидными. Абхазия, сохраняя кириллицу, напротив, подчеркивает свою лояльность по отношению к России. Не перешли на арабский алфавит и в Таджикистане, поскольку такой переход создал бы реальную геополитическую угрозу за счет сокращения языковой дистанции между таджиками Таджикистана и их многочисленными родственными группами в Афганистане и Иране.

Опираясь на тезис Ламанского о геополитической роли языка, авторы монографии проводят параллель с современным использованием языка в качестве «мягкой силы». «В терминах современной политологии Ламанский предлагает опираться на то, — отмечают авторы, — что сегодня называется “мягкой силой”: суть заключается в том, что, благодаря внутренним преобразованиям и самостоятельному развитию, другие народы увидят в России что-то для себя значимое и привлекательное и таким образом “потянутся” в ее геополитическое пространство» (с. 226). Такая культурная геополитика как способ распространения влияния посредством языка нашла широкое распространение в современном мире. Это не только получившие распространение в различных странах мира институты по изучению иностранных языков, как, например, Институт Гете или Конфуция и др., но и расширение языковых сегментов в Интернете. Так, аудитория Рунета сегодня уже существенно превышает его русскоговорящий сегмент.

Обращение авторов монографии к главным идеям академика Ламанского о цивилизационном подходе к изучению славянства, о языке как о геополитической силе, его философско-историческим воззрениям на предназначение славян в разной степени сохраняют свою актуальность, но очевидна важность его выводов для более глубокого понимания цивилизационных процессов в современном мире.

Учение Ламанского о языке согласуется со славянофильским требованием свободы слова и свободы совести. Так, в главе «Наука и свобода совести» авторы демонстрируют реакцию Ламанского на социально-политическую ситуацию в Российской империи его времени. Как пишет А.А. Тесля: «Конец 1850-х — на-

чало 1860-х принципиальным образом меняют российское общественное пространство <...> Прежде всего, в эти годы возникает *общество* и *общественное мнение* как значимые политические факторы — процесс этот, подспудно протекавший в николаевское царствование, делается явным с первых лет правления Александра II (1855–1881): возникает публичная сфера — в первую очередь в виде печати, но также общественных собраний, организаций и т. п., — с которой государственной власти необходимо в той или иной степени считаться. Собственно, формируется субъект, способный быть носителем национальной повестки — и выражать артикулированный политический запрос» [Тесля, 2021, с. 193]. Провозглашение свободы совести, «совещательного и выборного начала» и требование «постепенной децентрализации» коррелируют со славянофильской повесткой. Однако Ламанский видел и существенные недостатки в сложившихся государственно-церковных отношениях. По словам авторов монографии, он «был убежден, что более “чистое” учение о церкви и его отношении к государству сохранилось в греко-славянском мире, но и оно не получило полного воплощения в реальности» (с. 355). Реализация в жизни, в том числе и в государственной, христианских начал тем более важна, что прежде всего на основе христианских принципов братства и свободы Ламанский видел возможность внутреннего единения славян [Морозова, 2017, с. 46].

Важным достоинством монографии является также то обстоятельство, что авторы не останавливаются на исследовании лишь теоретико-концептуальной стороны учения Ламанского, но и уделяют внимание методологической стороне деятельности ученого. В монографии раскрывается влияние набирающей силу позитивистской историографии, требующей опоры на проверенные факты, на научную деятельность Ламанского, который прибегал в силу недостатка сведений и скудности эмпирического материала к своеобразной реконструкции посредством перевода проблематичных фактов в асерторические (с. 58).

Рецензируемая монография — это не только наиболее полное на сегодня освещение биографии Ламанского, основных вех его творчества, но и основательный историко-библиографический перечень работ, включающий как историографию трудов самого ученого, так и исследований, посвященных его теоретическому наследию, начиная со второй половины XIX в. и по настоящее время. Монография написана на основе обширного фактологического, в том числе архивного, материала. В предисловии приводится список литературы, посвященной Ламанскому. По словам авторов, «количество работ биографического характера невелико, в основном это статьи, обзорно описывающие жизненный путь и профессиональную деятельность Ламанского» (с. 11); «в истории русской философии имя Ламанского менее известно, хотя его по праву можно поставить в один ряд с Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым» (с. 11–12). «Современная историография показывает, — пишут авторы, — насколько изменилось восприятие Ламанского за прошедшее столетие. Его значение как филолога-слависта или историка славянства потеснено Ламанским — политическим мыслителем и философом» (с. 12). Изменение восприятия учения Ламанского — в том числе заслуга авторов монографии. Поскольку в книгу вошли работы авторов, написанные за последние полтора десятилетия, в ней не удалось избежать избыточного возвращения к тем или иным положениям учения Ламанского и некоторых расхождений в оценке отношений Ламанского и Данилевского.

В то же время следует отметить, что не все опубликованные авторами ранее исследования, посвященные изучению жизни и творчества В.И. Ламанского, нашли отражение в книге. За пределами монографии оказалась начатая ими публикация «Исторических писем» Ламанского, сравнение языковых проектов Ламанского и Ю. Крижанича, переписка с петербургским славянофилом В.В. Розановым [Куприянов, Малинов, 2016; Малинов, Мальчарек, 2019; Малинов, 2020с]. Книга еще раз показывает, что пришло время для критического переиздания работ Ламанского, в подготовке которых авторы монографии могли бы принять участие. Актуальность высказанных Ламанским идей дает основание для их более полной метафизической и историософской интерпретации. Остаются также существенные лакуны, связанные с рассмотрением важных для биографии Ламанского сюжетов: его деятельность в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе, Этнографическом отделе Императорского русского географического общества, Санкт-Петербургской духовной академии, Академии генерального штаба; взаимоотношения Ламанского со славянскими учеными; семейные и родственные связи ученого и др. Видимо, осознавая это, авторы обозначили свое исследование как «материалы», уступая достижение идеала полноты последующим исследователям. Еще в начале книги авторы отмечают, что «реабилитацией учения Ламанского мы обязаны, в первую очередь, трудам славистов Л.П. Лаптевой и М.А. Робинсона» (с. 7). Своей книгой В.А. Куприянов и А.В. Малинов, по существу, продолжают научную реабилитацию замечательного русского ученого, некоторым образом воскрешают его, вновь воспроизводя и показывая актуальность его идей, ведь для историка все люди, с которыми он имеет дело как исследователь, — живы, а все идеи сохраняют смысл и в этом отношении остаются настоящими.

Литература

Бычков В.В. 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica. Славянский мир. Древняя Русь. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. Т. 2. 527 с.

Задорожнюк Э.Г. Предвосхищение евразийства // Диалог со временем. 2016. Вып. 57. С. 24–40.

Куприянов В.А., Малинов А.В. Русский славянофил в поисках Европы: Образы России и Европы в книге «Государственные тайны Венеции» В.И. Ламанского // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 3. С. 260–285. DOI: 10.17323/1728-192x-2019-3-260-285.

Куприянов В.А., Малинов А.В. «Я служу народности...» (к публикации «Исторических писем об отношениях русского народа к его соплеменникам» В.И. Ламанского) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 2 (10). С. 89–94.

Ламанский В.И. Сербия и южнославянские провинции Австрии (Из записок о славянских землях). СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1864. 82 с.

Малинов А.В. Диалог поколений: А.С. Лаппо-Данилевский и В.И. Ламанский // Диалог со временем. 2020а. Вып. 70. С. 86–98. DOI: 10.21267/AQUILO.2020.70.56438.

Малинов А.В. Из истории академического славянофильства: Неоконченная речь В.И. Ламанского о А.С. Хомякове // Философский полилог: Журнал международного центра изучения русской философии. 2020б. № 2. С. 73–88.

Малинов А.В. Исследования и статьи по русской философии. СПб.: РХГА, 2020с. 608 с. DOI: 10.31119/russianphilosophy2020.

Малинов А.В. В.И. Ламанский и Ю.Ф. Самарин: К истории взаимоотношений // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020d. Вып. 87. С. 49–69. DOI: 10.15382/sturI202087.49-69.

Малинов А.В. В.И. Ламанский vs Н.Г. Чернышевский: из истории забытой полемики // Русин. 2018. № 2. С. 41–59. DOI: 10.17223/18572685/52/4.

Малинов А.В., Мильчарек М. Идея общеславянского языка: От Ю. Крижанича до В.И. Ламанского // Русин. 2019. Т. 56. С. 34–57. DOI: 10.17223/18572685/56/3.

Малинов А.В., Морозов В.Н., Тоноян Л.Г. «...Я сделал лучшее дело моей жизни»: Работа В.И. Ламанского в венецианских архивах // Вопросы истории. 2019. № 12. С. 275–287. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi19.

Малинов А.В., Пешперова И.Ю. Письма О.Ф. Миллера к В.И. Ламанскому // Русская литература. 2018. № 1. С. 85–99.

Морозова И. Славянство, славянская взаимность: Философия, богословие, идеология, социально-культурная практика // Философский полилог: Журнал международного центра изучения русской философии. 2017. № 2. С. 44–53. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.2.4>.

Тесля А.А. «Истинно русские люди»: История русского национализма. М.: Группа компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2021. 320 с.

Халева И. Развал страны начинается с языковых революций // Российская газета. 2001. 16 октября.

Энгельс Ф. Демократический панславизм // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 6. М.: Госполитиздат, 1957. С. 289–306.

Kupriyanov V.A., Malinov A.V. Vladimir Lamansky in Saint Petersburg University // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 211–221. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.112.

Academician V.I. Lamansky as a Historian and Philosopher

(Book Review: Kupriyanov, V.A., Malinov, A.V. (2020). *Academician V.I. Lamansky: Materials for Biography and Scientific Activity*. SPb.: Dmitry Bulanin)

NIKOLAY I. BEZLEPKIN

Military Academy of Communications,
St Petersburg, Russia,
e-mail: nick-bezlepkin@yandex.ru

ANDREI V. VOLODIN

Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia
e-mail: andreivladvol@gmail.com

The article is devoted to the review of the monograph by V.A. Kupriyanov and A.V. Malinov “Academician V.I. Lamansky: Materials for biography and scientific activity”, which opens a new stage in the study of the heritage of Vladimir Ivanovich Lamansky — a prominent domestic

historian, philosopher and Slavic scholar. The relevance of the authors' study of the life and work of V.I. Lamansky is due, on the one hand, to the need for the historical rehabilitation of the forgotten name of a prominent Russian scientist, historian and thinker, on the other, to the increasing importance of the ideas developed by Lamansky for a deeper understanding of civilizational processes in the modern world.

The article reveals the methodological component of Lamansky's scientific work, which was based on the ideological heritage of Slavophilism, critically rethought in new historical conditions and shifted from the language of mysticism to the language of science. The authors analyze three fundamental ideas of the monograph which Lamansky defended in works and tried to implement in practical activity. This is the idea of the civilizational approach to the study of Slavism, the historiosophical idea of the purpose of the Slavs and the idea of language as a geopolitical force. The unity of these ideas forms the theoretical and methodological foundation of the scientific work of V.I. Lamansky. The authors of the review show that there is an evolution of Lamansky's historiosophical views to the formation of Scientist-oriented philosophical and historical approaches to the history and culture of the Slavs, which made it possible to understand the limitations of pan-Slavic views, to create his own civilization and civilization concept of history. Particular attention was paid to Lamansky's thesis on the geopolitical role of language which was rightly linked by the authors of the monograph to the innovative use of language as a "soft power". From these points of view, cultural geopolitics was seen as a way of spreading influence in the modern world through the use of language.

An important merit of the monograph under discussion concerns the use of extensive factual material including the archival material, the substantive historical and bibliographic list of works including both the historiography of the works of Lamansky himself and studies on his theoretical heritage from the second half of the XIX century to the present.

Keywords: historiosophy, pan-Slavism, civilizational approach, slavophilism, language, cultural geopolitics.

References

Bychkov, V.V. (1999). *2000 let khristianskoy kul'tury sub specie aesthetica. Slavyanskiy mir. Drevnyaya Rus'* [2000 years of Christian culture sub specie aesthetica. Slavic world. Ancient Russia], Moskva; S.-Peterburg: Universitetskaya kniga, t. 2 (in Russian).

Khaleeva, I. (2001). Razval strany nachinaetsya s yazykovykh revolyutsiy [The collapse of the country begins with language revolutions], *Rossiyskaya gazeta*, 16 October (in Russian).

Kupriyanov, V.A., Malinov, A.V. (2019a). Vladimir Lamansky in Saint Petersburg University, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser.: Istoriya*, 64 (1), 211–221. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.112.

Kupriyanov, V.A., Malinov, A.V. (2019b). Russkiy slavyanofil v poiskakh Evropy: Obrazy Rossii i Evropy v knige "Gosudarstvenny'ye tajny Venetsii" V.I. Lamanskogo [Russian Slavophile in Search of Europe: Images of Russia and Europe in the Book "State Secrets of Venice" by V.I. Lamansky], *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 18 (3), 260–285. DOI: 10.17323/1728-192x-2019-3-260-285 (in Russian).

Kupriyanov, V.A., Malinov, A.V. (2016). "Ya sluzhu narodnosti..." (k publikatsii "Istoricheskikh pisem ob otnosheniyakh russkogo naroda k ego solemennikam" V.I. Lamanskogo) ["I serve the nationality ..." (to the publication of "Historical Letters on the Relationship of the Russian People to Their Compatriots" by V.I. Lamansky)], *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 2 (10), pp. 89–94 (in Russian).

Lamansky, V.I. (1864). *Serbiya i yuzhnoslavyanskiye provintsii Avstrii. (Iz zapisok o slavyanskikh zemlyakh)* [Serbia and the South Slavic provinces of Austria. (From notes on the Slavic lands)], S.-Peterburg: Tip. A.A. Kraevskogo (in Russian).

Malinov, A.V. (2020a). Dialog pokoleniy: A.S. Lappo-Danilevskiy i V.I. Lamanskiy [Dialogue of generations: A.S. Lappo-Danilevsky and V.I. Lamansky], *Dialog so vremenem*, t. 7, pp. 86–98. DOI: 10.21267/AQUILO.2020.70.56438 (in Russian).

Malinov, A.V. (2020b). Iz istorii akademicheskogo slavyanofil'stva: Neokonchennaya rech' V.I. Lamanskogo o A.S. Khomyakove [From the history of academic Slavophilism: the unfinished speech of V.I. Lamansky about A.S. Khomyakov], *Filosofskiy polilog. Zhurnal mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii*, no. 2, 73–88 (in Russian).

Malinov, A.V. (2020c). *Issledovaniya i stat'yi po russkoy filosofii* [Research and articles on Russian philosophy], S.-Peterburg: RKhGA DOI: 10.31119/russianphilosophy2020 (in Russian).

Malinov, A.V. (2020d). V.I. Lamanskiy i Yu.F. Samarin: K istorii vzaimnoosheniy [V.I. Lamansky and Yu.F. Samarin: On the history of relationships], *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. I: Bogosloviye. Filosofiya. Religiovedeniye*, t. 87, 49–69. DOI: 10.15382/sturI202087.49-69 (in Russian).

Malinov, A.V. (2018). V.I. Lamanskiy vs N.G. Chernyshevskiy: Iz istorii zabytoy polemiki [V.I. Lamansky vs N.G. Chernyshevsky: From the history of a forgotten controversy], *Rusin*, no. 2, 41–59. DOI: 10.17223/18572685/52/4 (in Russian).

Malinov, A.V., Mil'charek, M. (2019). Ideya obshheslavyanskogo yazyka: Ot Yu. Krizhanicha do V.I. Lamanskogo [The idea of a common Slavic language: from Yu. Krizhanich to V.I. Lamansky], *Rusin*, t. 56, pp. 34–57. DOI: 10.17223/18572685/56/3 (in Russian).

Malinov, A.V., Morozov, V.N., Tonoyan, L.G. (2019). "...Ya sdelał luchsheye delo moyey zhizni": Rabota V.I. Lamanskogo v venetsianskikh arkhivakh ["...I have done the best work of my life": The work of V.I. Lamansky in the Venetian archives], *Voprosy istorii*, no. 12, 275–287. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi19 (in Russian).

Malinov, A.V., Peshperova, I.Yu. (2018). Pis'ma O.F. Millera k V.I. Lamanskomu [Letters from O.F. Miller to V.I. Lamansky], *Russkaya literatura*, no. 1, 85–99 (in Russian).

Morozova, I. (2017). Slavyanstvo, slavyanskaya vzaimnost': Filosofiya, bogosloviye, ideologiya, social'no-kul'turnaya praktika [Slavism, slavic reciprocity: Philosophy, theology, ideology, socio-cultural practice], *Filosofskiy polilog: Zhurnal mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii*, no. 2, 44–53. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.2.4> (in Russian).

Teslya, A.A. (2021). "*Istinno russkiye lyudi*": *Istoriya russkogo natsionalizma* ["Truly Russian people": The history of Russian nationalism], Moskva: Gruppy kompaniy "RIPOL klassik" / "Pangloss" (in Russian).

Engel's, F. (1957). Demokraticheskiy panslavizm [Democratic pan-slavism], in Marks, K., Engel's, F. *Sochineniya* (pp. 289–306), Moskva: Gospolitizdat, t. 6 (in Russian).

Zadorozhnyuk, E.G. (2016). Predvoskhishcheniye yevraziystva [Anticipation of Eurasianism], *Dialog so vremenem*, no. 57, 24–40 (in Russian).